

От редактора рубрики

Кардинальные перемены в мире после окончания второй мировой войны и связанная с ними научно-техническая революция в условиях противостояния сложившихся двух различных общественно-политических систем резко обострили проблему включения в этот миропорядок ранее существовавших и новых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Последовательный перебор имеющихся идей через доктрины модернизации, некапиталистического пути развития, мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем позволил предложить более привлекательную формулу – глобализация. В некоем обобщенном смысле эта формула предполагала преобразование мира в "глобальную деревню" (М. Маклюэн). Ряд научно-технических достижений, прежде всего, в области информационных технологий, последовавшее затем уничтожение Советского Союза и социалистического лагеря, казалось, подтвердили правомерность прогноза практиков от глобализации. Однако, обнаружившаяся вскоре связь глобализационного проекта с декларациями об установлении монополярного миропорядка, развернувшееся антиглобалистское движение и, наконец, многополярное видение будущего мироустройства продемонстрировали, что хотя глобальные проблемы, действительно, существуют, но идея глобализации не во всем пока состоятельна. Сложившаяся ситуация ставит закономерный вопрос: насколько слоган глобализации является научно обоснованным?

Обращение к научной составляющей этого концепта позволяет зафиксировать два показательных момента. Во-первых, глобализация является западным, а если точнее, американским проектом, активно продвигаемым с 1980-х гг. Во-вторых, в значительной степени энтузиазм в этом отношении проявляли экономисты, затем международники и некоторые другие специалисты. Положительный настрой несколько подрывали историки и предстатели иных наук, говорившие о нескольких волнах глобализации, начиная с эпохи Великих географических открытий. Европейские социологи в противовес глобализации стали фиксировать процессы глокализации и космополитизации (Р. Робертсон, У. Бек). Нашлись и другие скептики, а продолжающиеся "торговые войны" и сворачивание проектов вроде Транстихоокеанского торгового партнерства поумерили восторги экономистов. Так что само научное общество изначально не было столь уж единодушно в признании трансформации человечества в единое глобальное или мировое сообщество. Показательно также, что на фоне реляций об успехах глобалистов просто сворачивались некоторые "неудобные" научные направления. Так этническая проблематика последовательно замещалась гипертрофированной тематикой идентичности, более соответствующей космополитическим устремлениям. Что касается позиции международников, то следует учитывать, что еще в 1977 г. гарвардский профессор С. Хоффман безапелляционно утверждал: "Международные отношения – американская социальная наука". Отсюда же продвигается и идея демократического мира, который избавит человечество от войн и обеспечит всеобщее процветание, при условии, что все будут ориентироваться на стандарты самой передовой демократии исключительной страны. Теоретики Английской школы (Х. Булл, Б. Бузан, Р. Литтл) развивают идею глобального общемирового общества, ядро которого составит более космополитизированная западная культура, способная абсорбировать все остальное, несоответствующее стандарту, культурное многообразие. Таким образом, получается, что под ширмой глобализации по-прежнему продвигается проект западного доминирования в мире.

Обращает также внимание, что сами западные специалисты отмечают серьезный кризис, переживаемый современной теорией международных отношений, состояние которой определяется и как "дряхлый плюрализм". Провалы теоретического характера, усугубленные постмодернистским вызовом, демонстрируют и другие социально-гуманитарные науки. Как реакцию на

заявившие о себе проблемы можно рассматривать возрождение интереса к геополитике и развитие региональных исследований. Однако и для этих научных областей не менее актуальной является задача создания современного теоретико-методологического арсенала проводимых ими исследований. Поэтому главная цель представляемой рубрики заключается в том, чтобы привлечь внимание специалистов, занимающихся проблемами Восточной Азии, к некоторым эвристичным теоретическим разработкам регионоведческого анализа и показать возможности их практической реализации.

В статье А. М. Кузнецова рассматривается концепция комплексно-мирового регионоведения, которую в нашей стране активно продвигает А. Д. Воскресенский. Наряду с определенными достоинствами эта концепция не свободна от недостатков, которые можно устранить через применение аппарата теории сложных систем. В рамках этой теории важное место принадлежит также принципу дополнительности и роли наблюдателей сложных образований. Оценивая современное состояние исследований региона Восточная Азия с точки зрения теории сложности, можно констатировать, что они проводятся в подавляющем большинстве "наблюдателями первого порядка", фиксирующими незначительные фрагменты сложной реальности, как отдельных государств, так и всего региона в целом, т.е. на ограниченно эмпирическом уровне. Целостный образ сложных образований могут обеспечить системные "наблюдатели второго порядка". Такой вывод не только актуализирует значимость теоретических разработок по региону как таковых, но и показывает необходимость проводить их на основе современной системной парадигмы.

Статья В. С. Мартьянова представляет результаты анализа новейшего понятийного аппарата западной науки, в основе которого лежат такие взаимосвязанные объясняющие/легитимирующие понятия как прогресс, либерализм, рынок, демократия, капитализм, современность и т.д. Этот аппарат используется для оценок – в рамках бинарной схемы норма/патология – коэффициентов развития демократии в разных странах, положения дел с правами человека и т.д. Но поскольку эти понятия были выработаны в соответствии с западными реалиями, то автор показывает их несоответствие условиям других регионов мира. Более того, В. С. Мартьянов выявляет, что в системе глобальных политических практик конца XX – начала XXI в. *либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий, как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ*, подвергаемых ими морально-идеологической дискриминации. Он делает вывод, согласно которому ключевая проблема состоит в том, что универсальным ядром всех современных обществ остается система властесобственности, чье существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и т.д. Сегодня же можно наблюдать, как Россия и мир сползают к более устойчивому и равновесному рентно-сословному обществу в ситуации медленного упадка свободных рынков, в течение последних 200 лет обеспечивавших экономический рост и некую долю прибыли от этого роста для большинства. По мнению автора, транслируемые неолиберальными элитами теории универсальной рыночной *модернизации, транзита и открытого доступа* к возможностям *плоского мира* (Т. Фридман) выступают в виде попыток убрать конфликтное классовое, страновое и национальное содержание из исследовательского дискурса и политики, оставив лишь экономический детерминизм, неоправданно претендующий на объяснение всеобщих закономерностей. Эти теории существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы выстроить глобальные ценностно-институциональные иерархии, в которых общества-гегемоны выступают в качестве *целевого образца* для всех остальных.

В своей статье М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин обобщили некоторые особенности сложившегося дискурса регионоведческих исследований. Они показали, что многие российские и не только российские специалисты занимаются либо совершенно оторванным от реальности теоретизированием, либо совершенно игнорируют необходимость теоретического анализа. Первую разновидность исследований авторы рассматривают как основанную на *априорных* высказываниях, содержание которых принимается независимо от данных эмпирического опыта. Как правило, такие высказывания бывают

аналитическими, т.е. их истинность или ложность может быть установлена только на основании значений входящих в них выражений, без привлечения дополнительных фактов. В основе второй разновидности, как они полагают, лежат синтетические высказывания, которые, как правило, *апостериорны*, т.е. принимаются только на основе данных эмпирического опыта. Характерные недостатки априоризма показаны авторами на примере концепций И. В. Киреевского и Ч. Хансена. С негативом же эмпиризма мы сталкиваемся, буквально, в каждом исследовании по нашему региону. В качестве выхода из создавшегося положения М. Е. Буланенко и А. В. Поповкин предлагают привычный гипотетико-дедуктивный метод, описанный Юном Эльстером. В результате, авторы приходят к выводу: полноценное понимание собственного, а равно и любого другого, общества возможно только на путях постепенного теоретического осмысления, не жертвующего стандартами рациональности и всякий раз готового отказаться от уже достигнутого в пользу более обоснованного.

Наконец, в статье О. С. Пахомова представлен опыт макроисторического анализа региона на основе некоторых теоретических положений, представленных в предыдущих работах. Сам он определил свою статью в качестве попытки описать Восточную Азию как особую цивилизацию, которая сформировалась в традиционный период как комплекс сложных взаимоотношений между китайской централизованной государственностью и соседними странами, а затем адаптировалась к современности. Автор отмечает, что, несмотря на предложения соединить Восточную и Юго-Восточную Азию в рамках единого региона Большая Восточная Азия, между этими образованиями сохраняются существенные различия. К хорошо известной специфике в уровнях их интеграции он добавляет еще и такой показатель, как доступ к альтернативным формам политической культуры. Следует также отметить выделение О. С. Пахомовым двух разных этапов регионализации: цивилизационный – на начальных этапах истории регионов, и интеграционный – после активизации отношений с Западом, создания биполярного миропорядка и продвижения проекта глобализации. Особенности этих этапов проявились, как показал автор, в изменении принципов легитимизации власти: сначала через фигуру императора, а затем через очень быстро сменившую ее западную формулу народа, нации как источника власти. Кризис глобализации, создав единый экономический базис региона, по мнению автора, обострил политические противоречия. В этих условиях, Китай активизирует механизмы максимальной эксплуатации экономических и политических ресурсов населения. Отсутствие соразмерных ресурсов вынуждает Японию и Южную Корею привлекать внешние силы для противодействия "китайской угрозе", что в итоге постепенно разрушает региональный порядок.

Таким образом, предложенный блок статей развивает сходные идеи о доминировании эмпиризма и априоризма в современных исследованиях глобальных регионов и необходимости нового концептуального осмысления складывающейся в них ситуации.

А. М. Кузнецов